

16. Овсяннико-Куликовский Д. Еще о «мещанстве» и русской интеллигенции // Полярная звезда. СПб., 1905. № 3. С. 229–234.
17. Селеменова М.В. Проблема мещанства и ее художественное решение в творчестве Е.И. Замятина: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2003. 208 с.

А.В. Мендюков

Самарский государственный медицинский университет

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В революционный период Русская православная церковь решительно выступила в роли адепта государства и монархии. Этому способствовал ряд причин. Во-первых, слишком зависимое от государства положение в рамках установленной еще Петром синодальной системы. Во-вторых, экономическое благополучие церкви существенно зависело от государства. Церковные причты получали жалованье, пусть и не очень значительное. В-третьих, духовенство по своему мировоззрению относилось к консервативной части общества. Правда, среди учащейся семинаристской молодежи наблюдался активный рост левых и радикальных настроений. «Господствующие классы прилагали все усилия к тому, чтобы охранительное влияние церкви сделать наиболее глубоким. С этой целью церковь была призвана воспитывать подрастающее поколение в духе лозунга “православие, самодержавие, народность”. Обязательное преподавание во всех учебных заведениях закона божия, и церковно-приходские школы обслуживали эту цель и являлись мощным оружием реакции», – писал один советский автор [3, с. 9].

Православная церковь в первую русскую революцию собиралась примирить противоборствующие стороны. Это нашло яркое выражение в послании Св. Синода от 14 января 1905 года, подписанном высшим иерархом церкви – митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием, также митрополитом Московским и Коломенским Владимиром и митрополитом Киевским и Галицким Флавианом. В нем отмечалось: «Св. Синод, скорбя о пагубных настроениях в современной жизни русского народа, именем... Церкви Православной умоляет всех чад ея: Бога бойтесь, Царя чтите и всякой власти, от Бога поставленной, повинуйтесь» [11, с. 3]. Св. Синод обращался и к епархиальным архиереям. Так, на имя самарского епископа Константина пришла телеграмма, подписанная ми-

трополитом Антонием: «Св. Синод поручает Вашему Преосвященству пригласить подведомственное духовенство употребить все свое пасторское воздействие к устранению междоусобия среди населения, поучая его в своем поведении и в отношениях к ближним действовать в духе христианского братолюбия» [12, с. 915]. Результатом волны революционной агитации стало постепенное исчезновение былого доверия к словам и действиям служителей церкви. Об этом косвенно свидетельствуют такие данные: в Самарской епархии в 1905 г. не было на исповеди 33 тыс. 480 чел., а в следующем – 32 тыс. 361 чел. [1, с. 128].

Ради справедливости стоит отметить, что имели место и совершенно противоположные случаи. Например, во время осмотра церкви г. Алатырь Симбирской епархии преосвященным Гурием певчие на клиросе пели духовный концерт «Свыше пророцы». Владыка похвалил пение: «как стройно и правильно поют; какие хорошие голоса; кто эти певцы?» Священник сообщил, что поют рабочие из алатырских железнодорожных мастерских [13, с. 6].

Даже и среди самого духовенства замечалось брожение на политической почве. Так, например, самарскому губернатору стали поступать заявления о противоправительственной деятельности некоторых священнослужителей, в частности об участии их в сельских митингах, произнесении ими революционных речей [9, л. 38]. А к Преосвященному Самарской епархии обратилось несколько священников одного из благочинных округов с просьбой «разрешить всему духовенству собраться в Самаре с целью образовать общий союз, чрез который они намерены были примкнуть к “общему освободительному движению»» [9, л. 38]. Синод был всерьез обеспокоен подобными настроениями, охватившими некоторые слои духовенства, и 10 марта 1906 г. издал по этому поводу указ, в котором говорилось о том, что «при получении достаточно основательных сведений о вредной деятельности кого-либо из священно-церковнослужителей Епархиальным Преосвященным надлежит немедленно... удалять такового с места преступной его деятельности, с целью пресечения таковой, чрез вызов к архиерейскому дому или в монастырь... устраняя тем необходимость принятия тех или иных мер со стороны административных властей» [10, л. 166]. В то же время обер-прокурор Синода связался с министром внутренних дел относительно того, «не признано ли будет возможным сделать распоряжение, чтобы полицейские власти в таких только случаях прибегали к аресту и предварительному тюремному заключению священнослужителей, когда со стороны последних обнаружено противление принятым епархиальными

ми начальствами мерам пресечения преступной их деятельности или когда таковые меры своевременно не были или не могли быть приняты» [10, л. 166].

Одним из эффективных способов достижения этой цели являлось участие православной церкви в выборах в Государственную думу. Закон о выборах предоставлял духовенству широкие избирательные права. В выборах могло принять участие практически все городское духовенство. Сельские священники, имевшие в частной собственности установленный земельный ценз, могли участвовать в уездных съездах землевладельцев. Предоставляя духовенству широкие избирательные права, правительство, по-видимому, надеялось на его поддержку, как во время выборов, так и в самой Думе [2, с. 146–147]. И оно не ошиблось в своих расчетах.

В итоге в 1-й Думе /27 апреля – 8 июля 1906 г./ оказалось шесть священников /левые и центристы/ и два епископа /оба правые/, во 2-й /20 февраля – 3 июля 1907 г./ – епископы Платон и Евлогий и 11 священников, трое из которых были кадетами, четверо – эсерами, а остальные – правыми. В 3-й Думе /1907–1912 гг./ представительство духовенства значительно возросло и составило 45 депутатов: епископ Платон и 15 священников примкнули к правым, епископ Евлогий и 13 священников – к умеренно-правым, два священника были националистами, четверо – прогрессистами и девять – октябристами. В 4-й Думе /1912–1917 гг./ число священников составляло 46 человек, из которых сорок являлись правыми. Причиной резкого «поправения» духовенства в последних двух Думах отчасти стало то обстоятельство, что после 1907 г. священнослужителям было запрещено присоединяться к левым партиям [7, с. 32]. Третья дума стала самой продуктивной в плане законотворческой работы в нашей истории. П.А. Столыпину удалось проводить свою политику, благодаря поддержке значительной части депутатов Думы, в том числе из рядов духовенства. Из 45 депутатов-священников 25 входили в умеренно-правые фракции. Лидером среди них был Холмский епископ Евлогий (Георгиевский), активно поддерживавший начинания Столыпина и относившийся к нему с симпатией. Правые критиковали политику Столыпина, в частности выступая против внедрения земств в западных губерниях [6, с. 52–53].

Приходское духовенство средневожских епархий совершенно не было представлено в первых трех Думах. В Думу 2-го созыва депутатом от Самары был избран эсер Василий Архангельский, сын дьякона. Он окончил Самарское духовное училище и семинарию, а также духовную академию в Москве. Одно время преподавал философию и педагогику в Тобольской духовной семинарии, а затем стал редактором газеты «Волж-

ский вестник». За слишком вольные взгляды он вместе с другими сотрудниками редакции был арестован и выслан в Тобольскую губернию. В Госдуму он приехал прямо из тюменской тюрьмы [14, с. 285].

В состав депутатов IV Думы вошли священники от всех трех губерний. От Пензенской губернии депутатом стал протоиерей кафедрального собора Пензы Владимир Лентовский, примкнувший к правым. От Самарской губернии в Думу прошли два священника: благочинный Семен Крылов, вошедший в группу центра, и священник с. Морша Николаевского уезда Вениамин Немерцалов /националист/ [15, с. 223, 277, 281]. Во фракцию националистов вошел и протоиерей, настоятель кафедрального собора Симбирска Сергей Медведков [15, с. 308].

Многие представители церкви в годы первой русской революции и послереволюционный период приняли активное участие в деятельности такой политической организации, как «Союз русского народа». Между тем официальное определение Св. Синода о разрешении духовенству участвовать в монархических организациях последовало лишь 15 марта 1908 г. Крайне правые получили поддержку со стороны влиятельных церковных иерархов, среди которых были митрополиты Московский – Владимир /Богоявленский/ и Киевский – Флавиан, епископ Таврический Алексей и в особенности архиепископы Волынский – Антоний /Храповицкий/ и Саратовский – Гермоген [5, с. 93]. Без их поддержки «Союз русского народа» никогда не смог бы превратиться в серьезную политическую силу.

Духовенство Среднего Поволжья участвовало в местных организациях «Союза русского народа». В начале 1905 г. в с. Бессоновка Пензенской губернии под руководством священников и полиции было создано общество под названием «Союз русского народа имени Георгия Победоносца». В престольный день, 20 июля, члены общества устроили расправу над своими политическими противниками из числа местных крестьян. Около тридцати человек было посажено в арестантскую камеру при волостном правлении. Но крестьяне сумели освободить арестованных, причем многим из них после этого пришлось скрываться [4, с. 138–139].

Количество открытых конфликтов черносотенцев с их политическими противниками точно неизвестно, но их было немало. Так, например, 27 октября 1905 г. в с. Обшаровка Самарского уезда Самарской губернии монархисты во главе со священником Благомысловым и урядником Дербеневым, управляющим удельным имением Пушкина, затеяли драку с участниками революционной демонстрации [1, с. 80]. Крупное столкновение крестьян с полицией произошло в селе Каменка Пензенской губернии в июне 1906 г. В село прибыл для встречи губернатора исправник Петров

с солдатами. В это время в местной церкви по заказу бывшего члена Думы кадета Врагова священник Благоразумов служил панихиду по убитому члену Думы кадету Герценштейну. Она состоялась в присутствии крестьян и Врагова. Дьякон демонстративно от служения отказался. После этого исправник потребовал, чтобы священник отслужил молебен по царской семье. На этот раз крестьяне покинули церковь вместе с церковным хором. Поэтому петь пришлось самому исправнику, ротному командиру и солдатам. По окончании молебна исправник распорядился произвести обыск у Врагова и арестовать его. Врагов был увезен в имение Воейково, где расположилась полурота солдат. Узнав об аресте экс-депутата, крестьяне решили его освободить, и им это удалось. Исправнику же вручили уведомление о том, что если Врагов еще раз будет арестован, то они не ручаются за спокойную обстановку в районе. Исправник доложил о происшествии губернатору. Тот распорядился собрать в Каменке сход, поручив это дело тому же исправнику Петрову и приставу Аргузову. Однако появление на сходе полиции лишь подлило масла в огонь. Под звуки ударившего набата толпа окружила исправника и пристава. Пристав выстрелил, ранив одного из нападавших и убив другого. Крестьяне отняли у него оружие и стали избивать. Только чудом ему удалось спастись. Исправник же был убит. Для усмирения крестьян были посланы войска. Три десятка бунтовщиков были арестованы. Суд, который состоялся 12 июля 1907 г. в Пензе, приговорил семерых из них к четырем годам каторги. Еще семь человек попали в тюрьму и арестантские роты [4, с. 196–197].

Не менее ошеломляющий случай произошел в с. Ильмино Городищенского уезда Пензенской губернии. Местный священник Кургаев рассказал помощнику исправника о революционных агитаторах из числа крестьян, заодно причислив к ним священника Покровского. По обвинению Кургаева последний был избит казаками. Во время ареста агитаторов завязалась стрельба. Один крестьянин был убит, несколько ранено. Кургаев стал причащать тяжело раненого, а затем попытался незаметно скрыться. Но, как говорится в рапорте епископа, едва он вышел из ограды, как толпа, подзревая, что он позвал казаков, с бранью и криками набросилась на него и повлекла к волостному правлению с целью надругаться над ним и затем убить. Явившиеся на место происшествия жена и внук Кургаева с плачем умоляли толпу не убивать его. Страсти накалились. Раздались выкрики: «Смерть ему! Убьем его, оставим только кусок мяса. Он за царя стоит и за его незаконное правительство, защищает начальников и господ-кровопийцев. Нам царя не надо, он свое слово не выполнил, земли нам не дал и Государственную думу разогнал». В этот момент Кургаев попросил

разрешения отнести дароносицу в церковь и проститься с семейством. Толпа ему поверила. А он между тем зашел в конюшню и ускакал на лошади. «После бегства Кургаева озлобленные крестьяне в полночь того же 31 июля подожгли со всех сторон церковную квартиру его...» [8, с. 29]

Как отмечает Л.И. Емелях, «основная масса антицерковных выступлений в деревне остается неизвестной, так как служители культа предпочитали не жаловаться начальству, опасаясь мести со стороны крестьян, открыто угрожавших поджогами или убийствами» [1, с. 23].

Со времени революции 1905–1907 гг. доверие к церкви в образованных кругах, среди интеллигенции оказалось подорвано. Открытая поддержка правительственной политики Столыпина, совместные усилия духовенства и властей в борьбе с разного рода агитаторами и возмутителями спокойствия в деревне, проповедническая деятельность, направленная на сглаживание социальных конфликтов, – все это делало церковь врагом в глазах либеральной части общества. Участие представителей духовенства в черносотенных организациях зачастую негативно отражалось на взаимоотношениях с рядовыми прихожанами, приводило к открытым столкновениям и конфликтам. Вместе с тем православная церковь четко ориентировалась на поддержку государства и правительства, видя в революции несомненное зло, которое может привести к совершенному исчезновению моральных ценностей, веры в Бога и в конечном счете всеобщему конфликту, гражданской войне. Таким образом, за исключением некоторых, хотя и влиятельных, представителей духовенства, которые обратились к правому радикализму как панацее от обрушившихся на страну бед, церковь старалась занимать взвешенную и продуманную позицию в сложившейся трагической ситуации. В политике Столыпина многие священнослужители увидели спасение для страны.

Библиографический список

1. Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965.
2. Зырянов П.Н. Русская православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.
3. Кандидов Б.П. Церковь и 1905 год. М., 1926.
4. Кузьмин А.З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Пенза, 1955.
5. Лакер У. Черная сотня. М., 1994.
6. Митрофанов Г. История Русской православной церкви. 1900–1927 гг. СПб.: Сатисъ, 2002.

7. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
8. Путинцев Ф. Контрреволюционная деятельность духовенства в революции 1905 г. // Антирелигиозник. 1939. № 7.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2112.
10. Там же. Ф. 797. Оп. 97. Д. 365.
11. Самарские епархиальные ведомости. 1905. №2.
12. Там же. №21.
13. Симбирские епархиальные ведомости. 1905. №1.
14. Члены Государственной Думы. Второй созыв. 1907–1912 гг. М., 1907.
15. Члены Государственной Думы. Четвертый созыв. 1912–1917 гг. М., 1913.

Е.Е. Шеремеев

Самарская академия государственного и муниципального управления

ПУТЬ НА «ГОЛГОФУ», ИЛИ «НАДКЛАССОВАЯ» ЭКВИЛИБРИСТИКА КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖЬЯ В 1905–1907 ГГ.

Либерализм как идеология в российской политической мысли оформился в середине XIX века, хотя ранние его ростки можно обнаружить уже в конце XVIII столетия. Эпоха «Великих реформ» Александра II всколыхнула российское общество, прежде всего его образованную часть – дворянство¹.

В 1906 году бывший заместитель министра финансов России Н.Н. Кутлер отмечал: «С особой интенсивностью частное землевладение стремится к ликвидации... в трех губерниях: Самарской, Саратовской и Пензенской, где Крестьянскому банку предложено к покупке около 1/5 всей площади частновладельческих земель» [2, с. 423–424].

¹ В РГИА сохранилось уникальное по своему содержанию, передающее весь трагизм дворянского сознания, письмо в Санкт-Петербург от 1890 г. министру императорского двора и уделов И.И. Воронцову-Дашкову от видного земского деятеля России (впоследствии кадета), самарского дворянина В.А. Племянникова. В нем он сообщал: «...все то, что предки наши приобрели столетия назад... идет прахом»; «имения, перешедшие в руки купца, хотя и дают ему больше дохода, но зато крестьяне около него разоряются. У нас, дворян, есть еще старые традиции, а у нового землевладельца все заключается в рубль. В ближайшем будущем если не мы, то дети наши увидят всю Самарскую губернию в руках у кулака» [1, л. 280об.–281].